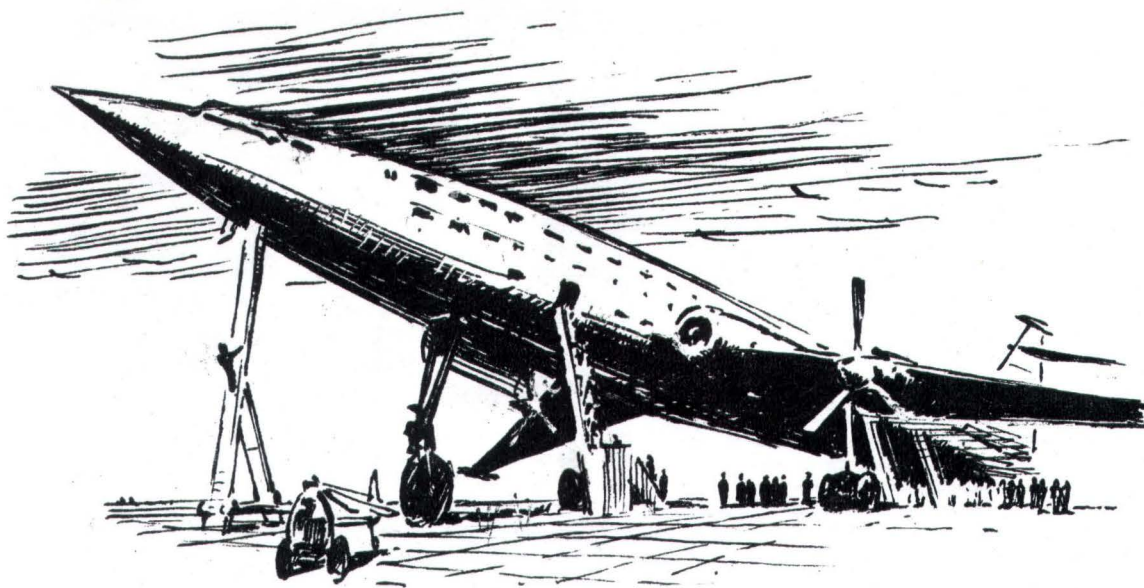

Цена 3 руб.

29-4

А
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
Й
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

ПОСЛЕДНИЙ ИЗВОЗЧИК

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

В. САПАРИН

Рисунки К. АРЦЕУЛОВА

I

Сопки, могучие складки на теле планеты, покрывали все видимое пространство, толпились в хаотическом беспорядке, загораживали горизонт. С левой стороны, прямо по меридиану, шла, не сворачивая ни на шаг в сторону, Большая Полярная Дорога. С воздуха Игорь отчетливо видел, как она перескакивала через пади, ныряла в тоннель, снова появлялась вдали.

Остроконечная, как и всегда, показалась не сразу, и, увидев ее, Игорь инстинктивно чуть приподнялся в кресле. Чувство нетерпеливого ожидания, знакомое охотникам, рыболовам, любителям природы, охватило его. Вибролет, словно угадав желание седока, взмыл вверх, а затем помчался к Остроконечной со всей скоростью, на которую только был способен. Прозрачные крылья неутомимо и ритмично вибрировали. Полет был чудесным, и Игорь вновь подумал о том, что управление с помощью биотоков, возникающих в организме человека при одной только мысли о движении, — замечательная вещь: достаточно пожелать лететь — и летишь. Великолепное ощущение! Жаль только, что это не годится для трансконтинентальных лайнеров.

Едва вибролет очутился над вершиной сопки, как кресло вместе с седоком повисло в воздухе, а затем, повинаясь желаниям Игоря, принялось описывать круги и зигзаги.

Тех, кого он искал, нигде не было видно. Наконец, на полянке, у подножия сопки мелькнуло желтое пятно. Вслед за красавицей-тигрицей из зарослей тростника выкатились два огромных полосатых котенка и принялись возиться на траве.

Кресло опустилось и замерло метрах в десяти над полосатым семейством. Звери, очевидно, привыкли к подобным вещам: во всяком случае безмятежная игра продолжалась. Теперь Игорь мог в свое удовольствие наблюдать за тиграми.

Идея устройства заповедника, которого не касалась бы нога человека, принадлежала Игорю — как никак биология была его второй профессией. Первая же... Он вздохнул.

Налюбовавшись вдоволь, Игорь, вынув из нагрудного кармана блок-универсал и направив объектив на тигров, стал смотреть на экран. Когда кадр казался ему подходящим, он нажимал кнопку «съемка». Он вел кино-

летопись тигриной семьи уже несколько месяцев и полагал, что года через полтора документальный фильм будет готов.

Он уже было сунул блок-универсал обратно в карман, как тот подал сигнал: «вас вызывают».

— Слушаю, — сказал Игорь.

По самой последней моде он вкладывал блок в нагрудный карман так, что микрофон торчал наружу. Это давало возможность вести разговор, не вынимая блока.

— Что ты делаешь и где находишься? — спросил веселый голос.

О, кажется, придется поработать. Игорь вынул плоский, из упругой пластмассы, блок и повернул экраном к себе. Рыжие волосы, веснушчатый нос, насмешливые глаза...

Портрет, который он держал в руках, раскрыл рот и сказал:

— Наконец-таки ты вынул меня из кармана. Ну-ка, покажись, какой ты. Сто лет не видался.

Игорь повернул глаз объектива к себе.

Рыжий Лешка скривил губы.

— Настоящий стилиста, как говорили в старину. Даже пуговица «орбис» с радиостанцией внутри. Как будто недостаточно блока-универсала! Игрушки... Серьезные люди не станут баловаться такими пустяками. Ты, кажется, находишься где-то в воздухе. А что внизу? Покажи. Ах, это Голубые сопки! Ну что ж, затея интересная. А где знаменитое тигриное семейство? Вижу, — действительно, красавцы! Итак ты в родной стихии — в воздухе и на природе...

Алексей явно подсмеивался над приятелем. Означало ли это, что у него приготовлен какой-то сюрприз?

— Между прочим, — сказал он, — когда ты летишь? Через час? Куда? В Австралию? Так, заходи... Я сейчас как раз в Австралии. В Платобурге. Ну, пока, — как говорили в старину. Что ты смеешься? Сам читал в одной книге. Разве ты не знаешь, что история литературы — третья моя специальность? Увлечение еще школьных лет... До скорой встречи!

Алексей исчез, а на экране Игорь увидел самого себя, как в зеркале. Длинное, словно вытянутое лицо, довольно унылый вид, или это только так кажется по сравнению с Леш-

кой? Рядом с ним кто не покажется печальным!

— Пора на аэродром, — сказал Игорь на экране Игорю, разглядывавшему свое изображение.

Ах, так вот почему у него на экране был такой унылый вид. Ведь он уже думал о предстоящем рейсе.

Впрочем, именно сегодня полет будет интересным хотя бы уж потому, что в конце его предстоит встреча с Алексеем.

Игорь решительно сунул блок в карман. Подчиняясь его желанию, вибролет помчался к аэродрому.

II

На пластмассовом, в рифленую шашку, поле стоял, вытянув тело и отнеся круто назад острые крылья, трансконтинентальный лайнер на пятьсот мест. По трем трапам поднимались на эскалаторах пассажиры.

Вибролет осторожно спустился у четвертого, служебного трапа. Игорь встал с кресла, нажал кнопку «спасибо», и кресло со сложными крыльями послушно, как собака, побежало на своих колесиках на стоянку. Хорошая модель, последний выпуск!

Поставив ногу на нижнюю ступеньку трапа, который тотчас же услужливо понес его в кабину управления, Игорь невольно усмехнулся. «Царским» называли этот трап молодые пилоты. Прежде, когда экипаж состоял из нескольких человек, вероятно, имело смысл ставить отдельную лестницу. А теперь? Впрочем, тогда и кабина управления оправдывала свое название.

Сколько условностей в жизни и как долго существуют в языке слова, потерявшие первоначальный смысл. Кажется, Игорь изберет своей третьей специальностью лингвистику. В последнее время у него появляется все больший интерес к словам. Не поговорить ли на эту тему с Алексеем?

Лешка? Человек с шестью специальностями и готов овладеть еще шестью. У другого это было бы проявлением легкомыслия, Алексей же все делает талантливо и удачно. Игорь в этом отношении слабее своего друга. У него всего две профессии и то вторая только потому, что даже большая страсть требует еще одного, пусть хоть маленького, совсем постороннего увлечения. Ведь люди всегда поступали так: человек, допустим, увлекался химией, работал с душой, самозабвенно, а дома, для себя, играл на скрипке или писал акварели, разводил кактусы, собирал редкие книги или увлекался художественной фотографией, «выкраивая», как пишут в старых романах, которые любит цитировать Алексей, «время» или «урывая редкие свободные часы». Да, конечно, когда человек стал не три часа в сутки, а целых восемь, — смешно даже подумать об этом теперь, в XXI веке, — и отдавал первой главной страсти еще восемь часов, успевая сделать меньше, чем сейчас выполняют за четыре или пять, вероятно это составляло проблему. Сейчас любительские страсти людей перестали быть только их личным делом, они превратились во вторые-третьи специальности, а у некоторых, вроде Алексея, таких любимых дел целых шесть, и у него хватает времени на все, ничего он не «урывает» и не «выкраивает».

Однако не слишком ли много философствования спозаранку? В конце концов он успеет заняться этим, сидя в так называемой кабине управления. Игорь открыл дверцу.

Человек в голубом комбинезоне возился в кабине, устанавливая пластмассовый ящик с закругленными углами.

— Привет пилоту, — сказал он. — Вот, установил новый прибор. По требованию Контроля безопасности, не то Планового бюро. Какой-то спор там у них.

— От меня что требуется?

— Не обращать на него внимания. Я и сам не знаю, что это такое. Он под пломбой. При соединил провода по схеме и все. Ну, счастливого пути! — Монтер шутливо помахал рукой.

Игорь занял свое место. Инструкция требовала, чтобы пилот во время взлета и посадки находился непременно в кабине управления. Зачем? Это знал только Контроль безопасности.

Почти машинально наблюдал он за тем, как давали приказ к отправке, как машина

отвечала — огоньки перемигивались на табло, стрелки приборов занимали свои места между ограничительными штрихами. Лишь прибор под пломбой, укрытый глухим пластмассовым футляром, оставался безжизненным.

Заработали моторы. Здание аэровокзала слева в окне сдвинулось с места. Деревья на краю поля слились в ленту. Короткий, очень короткий разбег, могучий рывок — и вот внизу быстро проваливающийся бело-розовый город среди сопок, кусок трассы — прямой, как меридиан, снова город, но уже гораздо дальше, еле угадываемый в очертаниях. Разворот, и корабль несется вверх, к солнцу, к звездам, рассекая слой легких облаков, которые только что снизу казались такими далекими.

Ровно и мягко гудят моторы.

III

Пассажиры, достав свои блок-универсалы, читали книги, просматривали журналы, смотрели кинофильмы. С тех пор, как Центральная библиотека, Главная журнальная экспедиция и Генеральный фильм организовали передачи для индивидуального обслуживания обладателей блок-универсалов, многое изменилось в этом мире. Всего лет пять назад на полках самолета лежали настоящие книги и журналы, небольшая библиотечка в сотню-другую томов. Сейчас каждый носит в кармане библиотеку в десятки миллионов томов с отделом уникальных и редких рукописей — любую книгу можно посмотреть в блок-универсале, передав заказ и прождав не больше трех минут. Тиражи журналов, недавно достигавшие астрономических цифр, в последнее время сильно сократились, и уже всерьез обсуждают вопрос, нужно ли вообще их печатать и рассылать. В сущности достаточно нескольких экземпляров для автоматической передачи изображений по просьбам обладателей универсалов. Только отдельные любители старины предпочитают держать журнал в руках, перелистывая пальцами страницы.

Про кино и театр нечего и говорить. Премьеру, как правило, смотрит несколько миллионов человек, где бы они в этот момент ни находились. Смешно вспомнить, как раньше люди собирались в специальные залы для так называемых общественных просмотров. Сейчас вы можете высказать ваше мнение всем, кто им интересуется, и, наоборот, выслушать любое высказывание, не сходя с кресла самолета. И вы не мешаете соседу: достаточно нажать кнопку «немой разговор», и голос певца, изображение которого вы смотрите на экране блок-универсала, будет слышен только вам (а давно ли надевали громоздкие наушники!).

Да, техника развивается невероятно быстро. Что будет через десять, двадцать лет?

...У Игоря было достаточно времени, чтобы размышлять о чем угодно и сколько угодно. Он мог сесть в свободное кресло, достать, как все пассажиры, свой блок-универсал и смотреть «Лебединое озеро» или новую пьесу новой звезды в драматургии. Надо только разузнать, в каком из театров земного шара она сейчас идет. Говорят, что самые лучшие постановки — это нью-йоркская, кембриджская и тамбовская.

Стоило ему только захотеть, и он мог нажать кнопку «повтор» в блок-универсале и прослушать записанные на тончайшем волоске утренние наблюдения или продиктовать свои мысли, потом машинка-автомат все аккуратно перепечатает. Мог прослушать любую лекцию, даже ту, что читалась неделю назад или год, мог делать еще тысячу вещей.

Не мог только прикасаться к кнопкам на пульте управления.

О, эти кнопки, высмеянные в юмористических журналах, кнопки, окружающие человека от раннего детства до глубокой старости. «Долой кнопки!» — правильное, прогрессивное движение, за ним, несомненно, будущее. Игорь мог убедиться сегодня, как хорошо и приятно летать, не думая ни о каких кнопках. Но как хотелось ему сейчас в кресле положить пальцы на клавиши управления и почувствовать, что огромный корабль подчиняется самому легкому их нажатию. Увы, дотрагиваться до кнопок ему разрешается лишь во время тренировочных полетов, ко-

торые для того и устраиваются, чтобы пилоты не разучились обращаться с самолетом. А ведь он любил управлять машинами, это, собственно, и заставило его выбрать профессию водителя воздушных лайнеров. Но, если признаться честно, скучной стала эта профессия, не доставляет она ему того удовольствия, как прежде.

IV

Проходясь, Игорь остановился у входа в один из салонов. В углу сидел высокого роста человек и, глядя задумчиво на блок-универсал, едва заметно шевелил губами. Разговаривал с кем-нибудь, а, быть может, работал. Ближе к дверям несколько пассажиров вели беседу. Разговор шел преимущественно на местные темы: о памятник комсомольцам-зачинателям освоения Сибири, об отоплении Камчатки за счет тепла Земли. Кто-то упомянул, как и следовало ожидать, про Якутский рудник-автомат.

Это дало повод одному из собеседников, розовощекому юноше, заявить, что использование природных руд уже устарело. Давно пора месторождения создавать искусственно.

— Вам мало изменений на поверхности планеты, — улыбнулся пожилой пассажир, — вы хотите и глубины Земли переделывать?

— А почему бы нет? — удивился юноша. Его собеседник ответил не сразу.

— Третьего дня я разговаривал с одним... гм, тоже довольно молодым человеком — пассажир чуть усмехнулся, — и он мне объяснил, что человек может получать все, что ему угодно, из чего угодно. Например, из обыкновенного булыжника — железо, золото или колбасу. Для этого просто нужно, — он так и сказал «просто», — расщепить атомы на составные части и сложить из этих частей новые атомы.

— Увлекательнейшая вещь! — немедленно откликнулся юноша. — Вы знаете, это называется: «все из всего».

— Их много, этих увлекательнейших вещей, — снова усмехнулся пожилой пассажир. — Но вот вопрос: какую же из них осуществлять?

— Ту, что целесообразнее, — вмешался вдруг пассажир, сидевший в углу.

— А что считать целесообразным? — тотчас же накинусь на него юноша. — Каков критерий?

— Ну, например, затраты человеческого труда. Это, конечно, прежде всего. Потом — затраты энергии. И не вообще, разумеется, а с учетом общего ее баланса в данное время. Затем — сложность и дальность транспортировки. Да мало ли что еще...

— О, — несколько разочарованно протянул юноша, — вы, я вижу, из тех, кто считает все на свете.

— Сотрудник Планового бюро, — поклонился с лукавой улыбкой пассажир. И, помедлив, добавил:

— Вы ведь знаете, мы не скупимся на любые эксперименты — сколько угодно смелые и самого большого масштаба. Но... — он оглядел собеседников, как бы желая убедиться, интересуют ли их эта тема, и продолжал:

— Когда речь идет о нормальной эксплуатации, тут слово берет математика. Возьмите, к примеру, плотину через Берингов пролив с ее насосами, перекачивающими воды Тихого океана в Арктику. С современной точки зрения это сооружение не так уж совершенно. В самом деле, вдумайтесь хорошенько: чтобы поддерживать теплый климат в Северном полушарии, нужно добыть урановую руду, извлечь из нее расщепляющиеся материалы, доставить их к плотине и загрузить реакторы. Конечно, почти все это делается автоматически, но почти, а не все. В этом отношении якутский рудник-автомат стоит на более высокой ступени. Однажды запущенный, он будет работать 51 год без всякого вмешательства человека. А вот наш самолет, — неожиданно закончил он, — во многом устарел.

Девушка с русыми косами, в легком платье, внимательно слушая разговор, оглядела внутренность салона.

— Я имею в виду не удобства для пассажиров и не летные качества, — чуть улыбнулся сотрудник Планового бюро. — Но обращали вы когда-нибудь внимание на пилота?

Игорь невольно вздрогнул. Он даже отодвинулся в глубь коридора.

— Пилота? — переспросила девушка. В голосе ее прозвучало легкое удивление. — Но ведь он сидит где-то там в своей кабине. Он невидимка.

— Не только невидимка, но и ничегонеделайка. И знаете, это одна из интереснейших проблем нашего времени. Пока в воздухе происходят случаи, подобные тем, которые когда-то где-то уже бывали, можете спокойно положить на машину. Но если произойдет что-то непредвиденное, случай, для которого в «памяти» у машины нет аналогий, она бессильна. Вот из-за этого и летит квалифицированный водитель. Сотни пилотов болтаются в воздухе, несут простое дежурство, вместо того чтобы заниматься творческой деятельностью, как это подобает людям. При этом каждый случай вмешательства в работу машины рассматривается как чрезвычайное происшествие. Во всех машинах делаются необходимые изменения, чтобы подобный случай уже никогда не мог повториться. Таким образом после каждого случая в воздухе вероятность происшествий вообще уменьшается. И у пилотов все меньше работы.

— Ну, он делает, конечно, что-нибудь, — возразила девушка, — этот пилот.

— Да, читает, диктует, может быть сочиняет поэму. Разумеется. Но ведь это не решение вопроса.

— А часто ему приходится работать?

— Я понял только одно, — сказал полусухо, полувсерьез пожилой пассажир, — пилоты будут вечно кататься на самолетах. Потому что, если даже останется вероятность одного несчастного случая на всех авиалиниях за десять лет, Контроль безопасности все равно заставит на всех самолетах летать пилотов. Я сталкивался с этой организацией. Я ее знаю.

— Они беспокоятся о пассажирах, — ответил сотрудник Планового бюро. — И в принципе они правы. Задача однако...

В этот момент Игорь ощутил три легких толчка в грудь: машина управления вызвала его. В первый раз за последние два года.

У

Вызов не был аварийным. Когда он вошел в кабину, зеленая лампочка сигнализировала: «Все в порядке». Игорь сел в кресло и внимательно оглядел табло. Немым языком сигналов машина сообщала о том, что случилось, и о принятых мерах. «Система охлаждения» — прочел он на табло. «Не подавалась охлаждающая жидкость» — докладывал откинувшийся бленкер. «Насос в порядке» — бодро рапортовал его сосед. «Неисправность в трубопроводе» — делала вывод машина. И докладывала: «Продута система», «Подача возобновилась».

Ну, с таким пустяком справится и ребенок.

Игорь глубоко задумался, сидя в кресле. Три легких толчка в грудь вернули его к действительности. Лампочка горела оранжевым светом: «Не подается охлаждающая жидкость» — прочел он. Значит, засорение было устранено только временно! Быстро, быстрее, чем это сделал бы человек, машина обследовала каждый участок подающей системы и сделала несжиданное заключение: «Все в порядке». Однако сигнал «Не подается охлаждающая жидкость» продолжал ярко гореть. Подали весть моторы: «Перегрев стенок камеры сгорания» — вспыхнул сигнал на табло.

Игорь почувствовал, как руки его потянулись к клавишам пульта управления. Но он не имел на это права — лампочка горела оранжевым светом. Машина сообщала быстрее, чем это сделал бы Игорь, что можно предпринять в таком случае. Замигали лампочки контроля приборов. Машина решила проверить, исправны ли сигнализирующие приборы. Молодец машина! Правильное решение! К тому времени, когда он это сообразил, машина уже проверила всю систему сигнализации. Все оказалось в порядке, только какая-то неясность возникла с указателем работоспособности насоса.

«Черт с ним, с прибором, включить запасный насос! — в азарте подумал Игорь. — Ведь моторы греются...» — Он даже приподнялся в кресле. «Включен запасный насос» — прочел он с облегчением.

На этот раз машина пришла к решению, может быть, на одну лишь десятую секунды позже Игоря. Конечно, она методично и хладнокровно перебрала сначала все варианты, затем, сравнив друг с другом, отбросила все, кроме единственно правильного. У Игоря же это было первой мыслью, пришедшей в голову, почти импульсивным порывом. Тем не менее Игорь почувствовал глубокое удовлетворение: в сущности он одержал победу над машиной. Вот что значит живой человеческий опыт, пусть даже и не вполне осознанный, опыт, заключенный в клетках мозга и в мускулах его руки, которая сама потянулась к кнопке «второй насос». И пилоты кое на что годятся, черт возьми!

Лампочка успокоенно светила зеленым светом, а он все сидел в кресле. Моторы давно просигнализировали, что температура нормальная. Табло явно намекало, что пилот здесь, в кабине, совершенно лишний.

Но Игорь не спешил уходить. Он пережил редчайшее ощущение: он не прикоснулся ни к одной кнопке, но все же как бы управлял машиной. Игра? Пусть игра! Но ведь это игра в работу, в работу пилота, которая ему противопоказана в силу его должности.

И тут лампочка зажглась оранжевым светом в третий раз. Такого не случалось за всю историю существования трансконтинентальных линий. Само по себе это уже было сверхпришествием.

Однако настоящее изумление охватило пилота, когда он взглянул на табло. «Второй насос неисправен» — профессорски спокойно констатировал прибор. Как, второй насос вышел из строя? Плохо дело, третьего-то ведь нет.

Вспыхнул экран манипулятора. Машина взялась за починку. Игорь видел на экране, как механические руки быстро и споро ощупывали насос, замкнутый в тесном пространстве, куда не доберется рука человека. Что

за чертовщина! Все было на месте.

«Снять крышку!» — чуть не крикнул Игорь, но механические пальцы уже отвинчивали ее. Они проникли внутрь и выполнили все, что мог придумать Игорь, и, тем не менее, неисправность не была устранена.

«Нижний патрубок!» — промелькнуло в голове у Игоря. Он опоздал. Пальцы завили крышку с быстротой, не позволяющей следить за их движениями, и накинута на нижний патрубок. Не ограничиваясь нижним патрубком, железные пальцы разобрали, прочистили и собрали все, что только подворачивалось под руку. Машина делала тысячу страховочных, может быть, совсем бесполезных действий, а время уходило... Электронный мозг терпелся.

Игорь почувствовал, что и у него начинают путаться мысли. Что делать? Вдруг его осенило: засорился соединительный шланг. Тот короткий шланг, что соединяет оба насоса: основной и запасный. Он подумал об этом только потому, что однажды, играя с товарищем в «Логическую сообразительность» и пользуясь для этого подвинутой схемой моторов самолета, сам придумал это повреждение и заставил партнера искать его по косвенным признакам. Ну да, этим партнером был Алексей! Тогда Игорь выиграл одно очко. Лешка, быстрый на соображение Лешка, не смог догадаться! Ведь тогда, как это произошло и сейчас, он сначала продул всю систему охлаждения, а затем уже включил запасный насос. И соединительный шланг, короткий, всего в несколько сантиметров, отсосток, оказался непродутым.

Машина, ясно, не знала об этом случае! Она делала все, кроме единственного, простого и необходимого сейчас действия. Наконец, перепробовав все, на что она была способна, машина сдалась. Лампочка вспыхнула красным тревожным светом.

Пора! Игорь наклонился вперед... Моторы уже были близки к истерике! И тут он услышал приказ, прозвучавший в его ушах, как удар грома.

— Ничего не делать!

Он почти растерянно огляделся вокруг.

— Не вмешивайтесь, — подтвердил голос.

Вслед затем он услышал легкое, совсем легкое постукивание внутри пластмассового корпуса прибора, что был подвешен к кабине перед отлетом.

Кнопки на пульте управления сами стали вдавливать, точно человек-невидимка коснулся их руками. Вновь вспыхнул экран. Кто-то медленно, по-человечески, искал повреждение.

Но ведь этот кто-то не знает про соединительный шланг! Это известно только Алексею. Игорь поднялся с кресла, но его снова остановил приказ:

— Ни с места!

Невидимка знал про соединительный шланг. Он включил продув, и, как и рассчитывал Игорь, система охлаждения тотчас же заработала.

Самое время! Игорь вытер вспотевший лоб. Еще несколько секунд — и моторы вышли бы из строя.

Да, переживаний сегодня хватало!..

Он посидел еще немного, чтобы успокоиться. Все работало нормально. Тогда он вышел из кабины. Пассажиры занимались своими делами, даже не подозревая о том, что только что разыгралось в кабине самолета. Прошло всего семь минут!

* *

— Вот такой эксперимент мы сейчас и ставим, — говорил сотрудник Планового бюро, поглядывая своими живыми глазами и поглядывая на собеседников. — С полного согласия Контроля безопасности, конечно. Однако, кажется, мы садимся.

Лайнер сбавлял высоту. Игорь снова прошел в кабину и сидел там в царственном бездействии, пока колеса не остановились у чертанной на поле линии и все двери автоматически не раскрылись.

Он сошел на землю последним.

VI

Вибролет попался старой конструкции, и Игорь мог наслаждаться сколько угодно, нажимая кнопки управления. Но — странное дело! — это не доставляло ему сейчас удо-

вольствия. Более того: он находил обременительным держать пальцы на клавишах. Сегодня утром он летал лучше. Руки были свободны, мысль тоже, крылья подчинялись почти бессознательным желаниям. Это походило на полет во сне. Полет? Да, тогда, утром, было ощущение полета. Сейчас же он просто перемещался в пространстве. Обыкновенная транспортная операция, которой приходится заниматься почти всем людям Земли примерно так же, как раньше, если верить старым фильмам, ездили на велосипедах на работу.

Алексей сидел в небольшой комнате перед пультом управления — точной копией того, перед которым пережил волнующие минуты час назад Игорь. Рядом стояло еще одно кресло и еще один пульт.

— Вот так я и летаю, — сказал Лешка, обведя рукой свое хозяйство. — Не отрываясь от Земли.

Он посмотрел на Игоря и засмеялся.

— Зато я работаю, — добавил он. — Веду сразу сто самолетов. Следовательно, случаев для вмешательства в работу машин у меня в сто раз больше, чем у тебя. Сегодня выпросил еще десять рейсов — еле уговорил. Запасный пульт поставили. Это, если два случая произойдут сразу. По теории вероятности...

— Ах, эта теория, — махнул рукой Игорь. — Сегодня я с ней познакомился на практике.

— И вот твой лайнер оказался среди этих новых десяти. Представляю, как ты был разочарован, когда выяснилось, что тебе не надо помогать машине! Такие же ощущения, вероятно, испытывал последний извозчик или последний шофер. Твоя песенка спета, Игорьек!

— Я просто люблю летать.

— Кто же теперь не летает! И чем ощущения пилота отличаются от ощущений пассажира? Хочешь настоящих ощущений — иди ко мне в напарники. Правда, летать уже не придется. Для моей профессии это совершенно излишняя роскошь. Зато интересная работа. Имей в виду, что всех пилотов с будущего года все равно с самолетов снимут. Даже испытания будут производиться автоматически — программным устройством.

Рыжее лицо Лешки смеялось, веснушки расплзлись, нос сиял. Он не считал нужным выводить веснушки или менять форму ушей — растопыренных, похожих на представленные к голове ладони. — Лешка считал, что вполне можно жить и таким, каким создала природа.

— У тебя, брат, ведь есть и другие профессии! Ты можешь выбирать. Ну, будешь летающим биологом в конце концов. Ведь твой заповедник и предназначен для осмотра с воздуха. Уверю тебя, все это не так трагично, как тебе кажется.

...В самом деле! Что изменилось в мире? Ощущения, которые испытываешь, когда управляешь машиной? Этих ощущений даже прибавится, если Игорь пойдет в наземные дежурные. Полет? Чудеснее полета на виброте без пульта управления еще свет не видел.

Романтика? Да, романтика нужна! Но она есть в любом деле. И в том, что делает Лешка, очень много романтики, хотя он ее и не признает.

* *

Игорь вышел на улицу и подождал к себе вибротет. Подбежал старый, наивный, романтичный вибротет с кнопками, натканными на крохотном пульте. Игорю захотелось почесать у него за ушами, как он делал это с осликом Васькой, когда был мальчиком. Ослик Васька и лужа, в которой водились головастики, сыграли немалую роль в его увлечении биологией.

Милое детство! Милая кнопка, смешная и трогательная!

Игорь сел в кресло и положил пальцы на клавиши.

— Лети! — приказал он.

Кресло стояло неподвижно.

— Лети, — повторил он.

Кресло не шелохнулось.

Тогда он нажал на кнопку, мягкую и расшатанную, она легко осела — за спиной раскрылись крылья, и вибротет полетел.